

ГЛАВА СЕДЬМАЯ,

в которой автор размышляет о том,
как суметь стать своему ребенку
собеседником

Почему столь часто возникают проблемы в общении с собственным ребенком? Он же — плоть и кровь? Ты, родитель, желаешь своему чаду только добра. И все равно — возникает недопонимание... В чем тут дело?

Ну а если честно: с другими, что ли, всегда получается отыскать общий язык? С любимым человеком? С начальником? С приятелями?

Другими словами:

проблема общения с собственным ребенком — не есть уникальная проблема общения. Просто мы воспринимаем ее наиболее остро.

Не так давно у меня вышла книга «Общение: в поисках общего»¹. Она посвящена тому, как получать информацию от окружающего мира — общаться с ним.

Название книги — не случайно: нередко мы забываем, что «общение» и «общий» — это однокоренные слова. То есть с кем бы мы ни вступали в контакт, наша задача — отыскать с этим человеком общее.

Очевидно, этот вывод относится и к общению с собственным ребенком.

¹ *Максимов А.* Общение: в поисках общего. — СПб.: Питер, 2013.

Уверены ли вы, что, вступая в общение с собственным ребенком, вы заняты поиском общего, а не воспитанием?

Попробуйте проделать простой опыт: посчитайте, сколько раз в течение дня вы говорили с ребенком просто так, а сколько — пытаясь его хоть немножко, да повоспитывать?

Легкий, непринужденный, ни на что не направленный треп с друзьями — одно из удовольствий жизни.

Часто ли вы треплетесь с собственным ребенком? Просто так? Без цели?

Часто? Значит, проблем в общении с ребенком у вас нет — и вам удастся отыскать с ним общее.

Редко? Значит, либо вы вообще не видите своего ребенка, мотивируя это отсутствием времени, либо превращаете разговор в воспитательный процесс: не ищите общее со своим чадом.

А теперь вспомните, как вас бесит начальник, если он не слушает ваши аргументы, а воспитывает. Как раздражает любой, даже посторонний человек, сделавший вам замечание.

Ощущение, что мы имеем право делать ребенку замечание, — верное. И иногда, действительно, стоит мягко что-то подсказать или объяснить, что чего-то делать нельзя. Главное,

чтобы общение с ребенком не превращалось в бесконечный воспитательный процесс.

У Маслоу есть удивительные слова, которые я даже хотел взять эпиграфом к этой книге. Не пробегайте их. Вчитайтесь.

«Отношения детей с родителями обычно изучаются так, как будто они неизбежно представляют собой набор проблем, **всего лишь** (выделено мной. — А. М.) шанс наделать ошибок. Эти отношения прежде всего являются источником удовольствия, хорошей возможностью получить наслаждение»¹.

¹ Маслоу А. Мотивация и личность. — СПб.: Питер, 2012. С. 243.

Общение с ребенком — это не есть некая работа по его воспитанию, а огромное удовольствие, которое вы можете получать.

Для этого очень важно не врать.

У Льва Толстого есть удивительно точное замечание: «Люди считают преступлением ложь перед судом и неблагородными поступками несправедливые слова в общении с равными, но с детьми говорить всякий вздор и всякую ложь считается не только не правильным, но, напротив, почти необходимым...»¹

Ах, как прав Лев Николаевич!

Детям мы начинаем врать незаметно: съешь кашку — будешь сильным, как Валуев! Неправда... Если ты рано ляжешь спать — к тебе прилетят хорошие сны... Неправда — сны не прилетают по расписанию. Если бы ты любил маму, ты доел бы суп до конца... Неправда — любовь не зависит от аппетита.

Но это вроде как не вранье. Игра. Фантазии.

Постепенно ложь превращается в привычку.

Если со взрослыми людьми вранье оправдать сложно, то с подрастающим поколением всегда есть оправдание: мы сказали неправду из педагогических соображений!

Видите, опять то же самое: к взрослым относимся одним образом, к детям — другим. К взрослым — серьезно и с уважением, к детям — как к объекту воспитания...

С вашего позволения я не стану долго рассуждать о том, что врать — нехорошо. Нет человека, который бы этого не знал.

Так зачем же мы так спокойно, да еще и с умным выражением лица, да еще доказывая пользу этой лжи — врем нашим детям?

¹ Толстой Л. Об истине, жизни и поведении. — М.: ЭКСМО, 2007. С. 277–278.

Еще есть одна серьезная проблема, которая мешает нам найти общее с нашими детьми.

Вы когда-нибудь задавали себе вопрос:

общаясь с вашим чадом, вы хотите его понять или себя высказать?

Психологи придумали такую красивую и, как мне кажется, очень точную формулировку. Всех людей, помимо прочего, можно разделить на две группы: тех, кто, входя в комнату, *как бы* говорит: «Здравствуйте, это я!» — и тех, кто, появляясь, *как бы* восклицает: «Здравствуйте, это вы!»

Так на кого вы нацелены, начиная общение с ребенком, — на себя или на него? Не превращается ли ваш разговор в постоянный крик: «Здравствуй, это я! Сейчас я научу тебя, как надо жить?»

Вот ребенок совершил некий проступок.

Можно сразу на него ругаться или его воспитывать, то есть объяснить, почему так никогда нельзя делать.

А можно начать общение со спокойного — подчеркиваю, спокойного — вопроса: «Почему ты так сделал?»

Главное, чтобы это был не праздный вопрос, заданный ради проформы, а подлинное желание понять — почему так случилось?

Уверяю вас:

ребенок всегда будет отвечать вам благодарностью на любую вашу попытку понять, почему он поступил не так, как вам бы хотелось.

Мы часто забываем очевидную, казалось бы, закономерность: если на человека любого возраста налететь с критикой и руганью, человек непременно закроется; если попытаться — просто попытаться! — его понять, он откроется.

Разве это не очевидно?

Есть одно очень важное, даже, наверное, фундаментальное, главнейшее правило любого общения — в том числе, конечно, и общения с ребенком:

если вы хотите получить от человека информацию, в момент общения вы должны сделать его центром мира.

Когда походя вы спрашиваете своего сына или дочь: «Как дела в школе?» — это не общение.

Ребенок даже острее, нежели взрослый, чувствует, когда с ним общаются формально, а когда — заинтересованно. Вам не удастся его обмануть.

Если вы действительно хотите отыскать с вашим чадом общее, вам придется потратить на него и свое время, и свое внимание. Без этих «трат» общение бессмысленно.

Нашему общению с другими людьми очень мешает явление, которое носит название «семантический шум».

Семантический шум — это неправильно понятые высказывания собеседника с кажущимся, эфемерным смыслом, смыслом-фантомом.

Почему возникает этот отвратительный семантический шум?

Очень хорошо пишет об этом все тот же Корчак: «Все существует как бы два раза: раз само по себе, а другой раз у меня в глазах, в голове, в мыслях»¹.

Всегда ли мы отдаем себе отчет в том, что мы видим и слышим не просто глазами и ушами, но еще и своим опытом? Слово «деревня» для деревенского жителя и городского имеет разный смысл. Слово «любовь» по-разному воспринимается в двадцать лет и в семьдесят.

¹ Корчак Я. Как любить ребенка. — Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2009. С. 337.

Вдумайтесь в цифры, которые приводит в своей книге «Забывтое искусство слушать» американский психолог Мадэлин Беркли-Ален. Взрослый человек в рядовом общении использует примерно 500 слов, при этом каждое из них имеет от 20 до 25 значений. То есть, произнося одно и то же слово, разные люди вкладывают в него разный смысл — и таких смыслов от 20 до 25.

Итак — внимание!

Мы используем 500 слов примерно в 12 500 значениях¹.

Понятно, что речь идет об английском языке, но я не думаю, что, если брать наш, родной, получится какая-то иная картина.

500 слов в 12 500 значениях! Это же вообще неясно, как мы друг друга понимаем!

Итак, мы все слышим друг друга по-разному, потому что у нас у всех — разный опыт. Но если мы договорились, что у детей есть свой опыт, часто отличный от нашего, то разве можем мы с ними общаться, не имея этот их опыт в виду?

С детьми — как, впрочем, и со взрослыми — мы говорим на разных языках. Это нормально. Это просто надо иметь в виду, стараясь, с одной стороны, понять их, а с другой — донести до них то, что вы хотите сказать.

То, что, по выражению Корчака, «существует в наших глазах, голове, мыслях», — не что иное, как образы. В силу того, что у всех нас разный опыт, — и образы у нас в головах рождаются разные. Одно и то же слово рождает разный образ в головах разных людей.

Так и появляется семантический шум.

Скажем, если ребенок говорит: «Я сделал уроки», это вовсе не означает, что он выучил весь заданный материал. Это может означать

¹ Беркли-Ален М. Забытое искусство слушать. — СПб.: Питер, 1997. С. 91–92.

и то, что он честно просидел над учебниками, думая о своем, положенный час. Если для взрослых «деланье уроков» есть результат, то для многих детей — процесс, который ни к какому результату может и не привести.

И когда двоечник говорит учительнице: «Марь Иванна, я учил» — он не врет. Он говорит ровно то, что было на самом деле. Он же не утверждает, что выучил!

Семантический шум — это данность. И ее надо иметь в виду всегда, в том числе и в общении со своим чадом.

Про общение мы очень любим говорить с восторгом. Многие из нас всерьез убеждены, что общение — это едва ли не главная радость жизни.

Мне — человеку, который занимается общением в том числе и профессионально, — было бы нелепо с этим спорить.

Однако не стоит забывать:

подлинное общение, то самое, что позволяет открыть другого человека; то самое, что помогает отыскать общее между людьми, — это важное и серьезное ДЕЛО.

Да, невероятно интересное и в высоком смысле — познавательное. Но — дело.

Именно так и следует относиться к общению с ребенком.

Общение — это результат наших взаимоотношений с ребенком. Если угодно — оценка наших взаимоотношений.

Именно по тому, как складывается наш словесный контакт с маленьким человеком, мы и судим о том, как вообще формируется наша совместная жизнь.

Смею вас уверить, что одна из главных и самых серьезных «мечт» ребенка заключается в том, чтобы между ним и родителями происходили интересные разговоры.

Но ведь и вы хотите того же! Так неужели же вы, умный и любящий взрослый, не сумеете достичь этой цели?

И последнее.

Никакая самая умная и воспитательная беседа, с использованием самых чудесных цитат и продиктованная самыми добрыми чувствами, не заменит вашему отпрыску простой беседы, вызванной подлинной заинтересованностью в мыслях и суждениях ребенка.

Может быть, с возрастом ребенок и будет вам благодарен за умные и полезные слова. Но здесь и сейчас он станет благодарить вас, в сущности, за одно — за понимание.

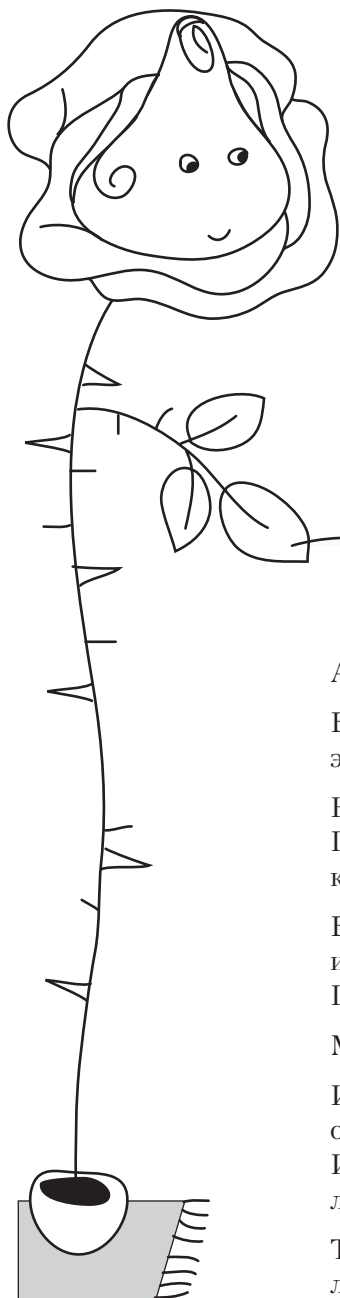
Ребенок живет под девизом из гениального фильма моей юности «Доживем до понедельника», который снял Ростоцкий по сценарию Полонского. В этой картине школьник, отвечая на вопрос: «Что такое счастье?» — написал: «Счастье — это когда тебя понимают».

Вот истинный девиз детства.

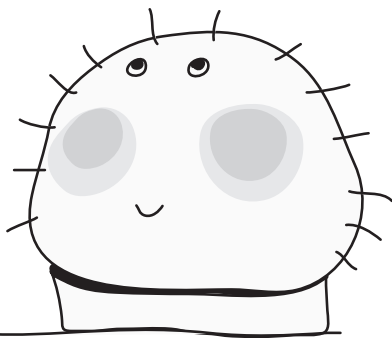
Конечно, со своими детьми должны общаться и мама, и папа. И все же, признаемся, мамы это делают чаще.

Мама — это вообще, как правило, главный человек в жизни ребенка.

Ну и как же не посвятить мамам отдельную главу?

РОЗА И КАКТУС

А вот еще есть — любовь.

Вокруг кричат: «Не надо, мол, детям про это... Еще успеют... Намучиться...»

Но куда же денешься, когда она — везде? Просто везде вокруг. Куда ни глянь, ни кинь, ни посмотри... Буквально всюду.

Вот, например, однажды росли Роза и Кактус. Между ними была бездна. Пустыня. Космос.

Между ними был подоконник.

И что нашла Роза в толстеньком, вечно озабоченном неизвестно чем Кактусе? И что нашел Кактус в тощей большой-большой Розе?

Тут ведь в каком возрасте ни размышляй, в любви ничего понять невозможно.

Часто Кактус смотрел на тощую фигуру Розы, на ее вызывающе яркую прическу и думал: «И чего я только в ней нашел?»

Но глаз оторвать не мог.

Роза смотрела на несимпатичный Кактус и думала про него такое, о чем мне даже рассказывать неловко.

Но смотрела все равно.

Любовь их была обречена. Но, скажу тебе по секрету: когда любовь обречена, тут-то все самое главное и случается — есть у любви такая сила, которая все может.

Она так и называется — сила любви. И это стоит запомнить.

Нам ли судить о всемогуществе этой силы? Нам ли разбираться, каким непостижимым образом Роза и Кактус оказались рядом?

И вот они стоят близко-близко. Мгновение — и обнимут друг друга. Но... мешают колючки.

Вот ведь какое дело: колючки — это то единственное, что их объединяло, и потому они не обращали на них никакого внимания. Совсем.

Кактус родился тугодумом. Но тут и он догадался, что жить без Розы не сможет.

Сила любви — одно слово. Точнее — два.

Ну а как догадался, жизнь его стала ясной и простой.

Кактус сбросил свои колючки.

— Что ты наделал?! — закричала Роза.

Как и всякая настоящая Роза, она никогда не показывала своей радости перед мужчиной.

— Ты теперь абсолютно беззащитен! Беззащитен! — причитала Роза. — Как же так можно?! Без шипов! Без шипов!

Тут она сбросила свои колючки.

Должен тебе сказать, что Розы нередко говорят одно, а делают что-нибудь абсолютно противоположное.

И тогда они обнялись и слились воедино. И им уже никак нельзя друг без друга: ведь они ничем не защищены. А если они вместе — попробуй сломай.

Нам ли понять, как питаются они от одного корня? И как не скучно им друг с другом — всегда вместе столько лет?

Любовь, одно слово.

Точно — одно.

Но все объясняет.

